

Битва за диплом

написано Movladi ABDOULAEV | 15.03.2009

В 2003 году я переехал во Францию. Много времени, сил и нервов ушло на получение ПМЖ (постоянное место жительства) и изучение языка. К моменту приезда я довольно внятно изъяснялся на английском, мог поболтать с испанцами, но во французском был абсолютным нулем. Впрочем, нет. Слова «мерси», «пардон» и даже «шерше ля фам» мне были не чужды. Последняя фраза запомнилась то ли из анекдота, то ли из какого-то кинофильма.

Изучение совершенно нового языка после 40 лет, скажу вам по секрету, занятие не очень приятное и очень нелегкое. Не буду описывать свой титанический труд на данном поприще, скажу только, что года через два довольно бегло заговорил на французском. И тут же закралась нахальная мысль – получить государственный диплом тренера по тяжелой атлетике и вернуться на спортивную работу.

Для того чтобы работать оплачиваемым тренером, во Франции обязательно надо иметь диплом. Применительно к тяжелой атлетике это касается BEES 1 НАСУМЕСЕ. Эта аббревиатура переводится как «Государственный диплом спортивного тренера 1-й степени по тяжелой атлетике, культуризму, специальной и общей физической подготовке». Чтобы заполучить такой диплом, необязательно учиться в институтах физической культуры, сдавать сессии и курсы... Всё гораздо проще и, в то же время, гораздо сложнее.

Существуют так называемые CREPS-ы – региональные центры всеобщего спортивного обучения. Эти центры два раза в год устраивают экзамены для тех, кто горит желанием занять диплом спортивного работника (тренера, администратора и т.д.). Записаться на экзамен очень просто. Посылаешь по интернету

заявку, через несколько дней по почте приходят анкеты. Заполнил, подписал, отослал и всё – ты в списках экзаменуемых.

Экзамены бывают устные, письменные и практические. Подготовка к ним на свое усмотрение, можешь самостоятельно грызть гранит науки, а можешь пойти на курсы (хоть годовичные) при тех же CREPS-ах или других учебно-спортивных заведениях. Сам экзамен проходит быстро и строго. Тянешь билет с вопросами, 20 минут на подготовку, 20 минут на ответ перед жюри, которое видишь в первый раз в жизни. Через пару недель по почте присылают оценки и заключение жюри – допускать или не допускать к спортивной деятельности. Вопросов в билете всего три, но не стоит обольщаться. Они могут быть откуда угодно – из физиологии, анатомии, психологии, биомеханики, спортивного законодательства ... Если споткнешься хоть на одном вопросе, разговор короткий – оревуар, придете в следующий раз.

Почему я сказал, что всё просто и в то же время сложно? Легко и просто по сравнению с российскими ВУЗами в том плане, что не надо поступать в институт, сдавать вступительные экзамены, тратить бешенные деньги на платную учебу или взятки и т.д., и т.п. А сложно потому, что в любом случае надо знать весь материал. В институте-то нет выхода, обязан посещать занятия и учиться. А тут, при всех прочих заботах, самостоятельно и в короткий срок надо переварить огромный материал. Да еще на чужом языке.

Именно из-за этого – несовершенства своего французского, я больше всего опасался устно – письменного экзамена. Он проходил в марте 2007-го в CREPS города Антибы. Но, даже к своему великому удивлению, сдал его сходу, с первой попытки. Тут надо сказать, что французы записываются и ездят на такие экзамены помногу раз. И это считается нормальным явлением.

CREPS города Макон

Успешно справившись с устным экзаменом и окрыленный этим успехом, через три месяца, в июле 2007-го я взял курс на город Макон (недалеко от Лиона), чтобы пройти последний этап – практический экзамен. В отличие от волнений и бессонниц, имевших место перед устным экзаменом, на этот раз я был спокоен и уверен в себе как слон.

Практический экзамен состоял из двух частей. Сначала испытание по основной специальности – тяжелая атлетика, затем экзамен по сопутствующей дисциплине – культуризму. Порядок такой: тянешь билет с темой, затем 20 минут на подготовку. Потом 20 минут проводишь тренировку с предоставленными ассистентами, типа они мои ученики. И, в заключение, 15-минутная беседа с жюри, где объясняешь свой выбор методики и отвечаешь на вопросы.

Основную специальность я осилил легко. Получил высокую оценку – 25 баллов из 30-ти возможных. Ну, думаю, осталось плёвое дело, расскажу сейчас как качать бицепс с трицепсом и всё в ажуре. Тяну билет, читаю тему – «провести занятие с группой лиц 3-го возраста для развития максимальной силы». Что-ж, максимальной, так максимальной – сделаем. Написал план тренировки: тяги, жимы, приседания с ударными нагрузками, предельной интенсивностью. Изобразил с ассистентами сеанс тренировки и сажусь для беседы к жюри.

Еще во время сеанса я заметил, что жюри с каким-то повышенным любопытством разглядывает меня. А под конец сеанса у них глаза, почему-то, совсем округлились. Объясняю, как положено, почему я выбрал такую схему занятия, почему сделал так и этак ... В самом конце моего красочного повествования мужик из жюри спрашивает:

– Вы знаете кто такие люди 3-го возраста?

Думаю, что за глупости? Дурацкие, понимаешь, вопросы задают. Спросили бы лучше про интенсивность, про количество подходов с повторами ...

– Конечно, знаю! Первый возраст это дети, 2-й – юноши, а 3-й –

взрослые, здоровые жлобы, мечтающие о бицепсе Шварценеггера.

– Мусьё, 3-й возраст – это 60-летние люди!

Если бы в этот момент на мне был галстук, я бы его зажевал от досады, как один всем известный персонаж. Как же так, ведь не далее как неделю назад я смотрел длинную телепередачу о персонах 3-го возраста, их проблемах и заботах. Да, и до этого прекрасно знал про 3-й возраст, но не могу объяснить, почему в тот момент заклинило в башке и мысли пошли по ложному пути.

Что-либо исправлять было уже поздно. Высоких баллов, полученных в тяжелой атлетике не хватило и средняя оценка за экзамен была неудовлетворительной. Видимо, жюри испугалось, что я сверхнагрузками поубиваю в спортзале всех пожилых французов.

Обидевшись на всю Францию, сначала решил плюнуть на этот диплом. Пусть Франция до скончания века жалеет, что потеряла такого «распрекрасного» тренера. Но, не прошло и года, как начало подъедать самолюбие. Ладно бы, провалился на устно – письменном экзамене, где помимо спортивных вещей надо было знать и всё французское спортивное законодательство, начиная с конца XIX-го века. Да еще изложить это на бумаге и рассказать. За это никто не попрекнул бы. Но, практический экзамен!? Я – советский тренер-практик – и не могу ничего доказать этим французам? Нет, такого позора не переживу.

И вот, спустя год, снова записываюсь на экзамен, что должен проходить в ноябре 2008-го. Где-то в интернете вычитал, что при желании можно сохранить ранее полученные оценки. Звоню в этот CREPS и говорю – чтобы сэкономить ваше и свое время, хотел бы сохранить оценки по тяжелой атлетике и пересдать культуризм. Некая мадам ответила, что в принципе это возможно.

Приезжаю в уже знакомый город Макон и в 8 часов утра захожу в CREPS. Говорю – бонжур, вот, приехал пересдавать культуризм. Те начали шуршать в бумагах, консультироваться друг у друга и под конец объявляют мне «радостную» весть – вы должны пройти

весь экзамен, включая тяжелую атлетику и должны были приступить к этому делу в 8ч00м. Сейчас на часах 8ч20м, то есть вы прозевали время на подготовку, можем записать вас на следующий или на третий день. Отвечаю – Макон, конечно, славный город, но я не собирался гостить у вас столько дней, тем более, вы мне не оплачиваете гостиницу и питание. Не нужна мне подготовка, дайте тему и я иду сразу отвечать.

Могу похвастать, не посрамил гордое звание советского тренера. Без подготовки, с корабля на бал, ворвался в зал тяжелой атлетики и ошарашил всех широтой мысли и простотой душевной. Даже улучшил прошлогоднее достижение – 27 баллов из 30-ти.

Оставался коварный культуризм. На этот раз решил – хрен вы меня подловите на чем-либо. Написал классическую схему тренировки: жим лежа, бицепс, трицепс ... небольшие веса, 3 подхода по 8-12 раз, разминка-растягивания ... В-общем, не придерешься ни с какой стороны. Подходит старикам, женщинам, детям, инвалидам, членам и нечленам профсоюза ...

Жюри было очень любезным. Неудивительно. Наученный горьким опытом, на этот раз я говорил только такие вещи, которые близки и понятны даже аборигенам Папуа Гвинеи, практикующим культуризм. Тепло прощаясь, мои судьи желали мне всяческих успехов в дальнейшей спортивной деятельности, из чего я сделал вывод, что всё прошло как на мази. И, действительно, через три недели получил письмо, где было сказано, что испытание я прошел успешно. А еще через месяц пришел и сам новенький диплом.

Не знаю, использую ли я его когда-нибудь в жизни, буду ли работать тренером? Но, тщеславие на время удовлетворено и на душе пока спокойно.

Магнезия и «чеченский след»

написано Movladi ABDOULAEV | 15.03.2009

В начале августа 2000-го года я повез несколько атлетов московского клуба «Динамо» на международный турнир по тяжелой атлетике в Барселону. Наше пребывание на солнечных берегах Испании уже подходило к концу, когда по телевидению передали тревожную новость – в Москве, в подземном переходе на Пушкинской площади прогремел взрыв. В результате теракта погибло более 10-ти человек и более 100 получили ранения. Как обычно, немедленно обнаружили «чеченский след», ввели чрезвычайные меры безопасности. Мэр Москвы Ю.Лужков приказал взять под усиленный контроль жилой и нежилой фонд столицы, автомашины, усилить контроль за въездом автотранспорта в город ...

Некоторое время спустя объявят, что это был не теракт, а криминальные разборки. Но, в первые дни традиционно, усиленно смаковался «чеченский след», задерживались чеченцы, у которых «находили» три патрона и даже был арестован известный чеченский боксер Альберт Гучигов. Бесстрашные борцы с преступностью «нашли» у него в нагрудном кармане (!) портсигар со 160-ю граммами пластида. Видимо, взорвав Пушкинскую площадь, хранил на память остатки взрывчатки. Но это еще не всё, на лобовом стекле его «Мерседеса» «обнаружили» следы крови, которые, видимо, из подземного перехода ... Впрочем, не хочется, кощунствовать над памятью погибших из-за дебильных версий следствия.

Вот в эту Москву мне предстояло вернуться, спустя пару дней

после взрыва. Немного успокаивало то обстоятельство, что у меня имелось железное алиби. Штамп в загранпаспорте свидетельствовал, что меня не было в России в день взрыва. Испанцы, на полном серьезе, предлагали остаться, но я гордо отказался. Только попросил, если на следующий день после прилета не позвоню, значит я в застенках – поднимайте европейскую общественность и требуйте свободу невинному чеченскому тренеру. Перед неизвестностью предстоящего, ощущение было как у разведчика, которого собираются забросить в тыл врага. Правда, тех обычно забрасывают в чужую страну, а я вроде возвращался в свою.

При всем трагикомизме данной ситуации, моя кавказская физиономия и чеченский паспорт были только полубедой. Самое страшное и безумное заключалось в том, что я вез с собой мешок белого порошка!

Это была магнезия. Поясню для несведущих. Магнезия – это порошок или спрессованные брикеты белого цвета, которыми спортсмены (штангисты, гимнасты ...) натирают руки, чтобы они не скользили во время выполнения упражнений. Магнезия всегда была дефицитом и за ее отсутствием мы раньше пользовались различными суррогатами. А тут, испанский коллега предложил целый 20-ти килограммовый мешок за какие-то копейки! Как я мог отказаться?

Видимо неделя, проведенная на ленивых пляжах Испании напрочь убила во мне всякую бдительность и осторожность. Надо было быть полным идиотом, чтобы в 2000-м году, в поднятую на уши очередным взрывом Москву, переться с мешком белого, пусть и безобидного, порошка. Еще не затихло эхо взорванных в 1999-м году домов, еще на слуху у всех мешки с гексагеном, а тут, на-те вам – чеченец с распрекрасным компроматом на руках. Не знаю, на что я надеялся? Может на то, что смогу объяснить в случае чего, что это обычный спортивный аксессуар. Выглядит наивно. Кто бы там стал разбираться – магнезия это или нет. Это сейчас я такой умный, а тогда крышу напрочь снесло. Профессиональные интересы подавили инстинкт самосохранения.

Но, уберег Аллах, хвала Ему. Сначала таможенники не обратили никакого внимания на мешок. Может устали за день, мы-то прилетели к полуночи. Встречали меня сестра с мужем. Если бы она знала, что лежит в багажнике машины, с ума сошла бы и, наверняка, заставила выкинуть, столь дорогой сердцу моему, мешок по дороге. На МКАД (Московская кольцевая автомобильная дорога) нас остановил милицейский патруль и ..., о-чудо, бегло проверив документы, разрешил ехать дальше. Как подумаю сейчас, если бы они проверили машину ... Может до сих пор доказывал бы, что это была просто магнезия, разглядывая при этом небо в клеточку. Когда приехали и я занес в квартиру мешок, у сестры чуть удар не случился. Ради сохранения здоровья родных и близких, от магнезии пришлось срочно избавляться. Уже на следующий день позвал друзей с «Динамо», чтобы забрали злополучный мешок.

Во, какой экстрим получился.

Чеченец?! Не пущать!

написано Movladi ABDOULAEV | 15.03.2009

В прошлом году посольство Швеции в России отказало в выдаче въездных виз чеченским спортсменам, которые были приглашены рядом шведских спортивных организаций. Это событие вызвало довольно большой резонанс в СМИ. И вот недавно прочитал вот такую новость:

«Авель Казаченков: Межидова не хотели пускать в Париж, потому что он чеченец

17:55 14.09.2006 – Дзюдо

У Саламу Межидова и Теа Донгузашвили, российских дзюдоистов отобранных для участия в командном чемпионате мира в Париже 16-17 сентября, возникли проблемы с оформлением въездной визы во Францию. Об этом Агентству спортивной информации «Весь спорт» рассказал государственный тренер по дзюдо Амель Казаченков.

«Проблемы с визами возникли совершенно неожиданно, – объяснил Амель Казаченков. – Теа Донгузашвили во французском посольстве сказали, что ей сделать визу не могут, потому что она прописана в Санкт-Петербурге, и она уехала домой. По поводу Межидова я был просто обескуражен! Французы отказывались впускать его, потому что он – чеченец. Сколько раз Саламу ездил за границу, в том числе и в Париж, но никогда не было такого, что случилось сейчас. К счастью, все проблемы мы разрешили. И надеюсь, что такое предвзятое отношение к нам больше не повторится».

Надеяться Амель Казаченков конечно может, но нет никакой гарантии, что такое отношение к чеченским спортсменам не повторится. Я знаю что говорю, так как испытал подобную ситуацию на своей шкуре. В посольствах, в визовых отделах сидят люди насквозь пропитанные античеченской пропагандой в российских СМИ. Зачастую это даже не иностранцы, а москвичи (так как для работы в Москве нужна прописка), основной массе которых давно и надежно вбили в голову, что во всех бедах Москвы и России виноваты чеченцы. И, естественно, что появление чеченской фамилии в списках претендентов на визу вызывает у них сверхвнимание, предвзятое отношение и, как следствие, первая реакция – запретить! Так, на всякий случай. Иногда это внимание и неприязнь настолько застилают глаза, что «бдительные» работники визовых отделов иностранных государств доводят ситуацию до полного идиотизма. Например, как в случае с Межидовым, не видят того, что этот спортсмен изъездил десятки стран мира, включая даже ту самую, куда в очередной раз просит визу.

В 1996 году я организовывал поездку шатойских штангистов на международный турнир в Германию. Так как ни одна спортивная организация или живая душа мне не помогали, всё приходилось делать самому. После многочисленных телефонных звонков, факсов, писем получили, наконец, приглашение. В консульском отделе Германии в то время стояли километровые очереди. Я вставал в 4 утра, шел к открытию метро, ехал через всю Москву, чтобы занять очередь и, если повезет, вечером того же дня попасть внутрь консульства.

И вот, заполнив кучу анкет, в первый раз подхожу к окошку за которым сидела суровая пожилая женщина, явно не немецкого, а местного происхождения. Неудовольно рассмотрев мое лицо «кавказской национальности», а затем мой загранпаспорт, где стоял безнадежный штамп «Выдан в Чеченской Республике», она развернула против меня настоящее расследование.

Первым делом подвергла экспертизе приглашение немецкого клуба. Она рассматривала его и на свет, и под лупой, держала над пламенем зажигалки (до сих пор не пойму зачем), затем куда-то унесла, минут через десять принесла. Убедившись, что приглашение подлинное, перешла к следующему этапу – паспортам.

Первым делом осведомилась у рядом сидящих коллег входит ли Чечня в состав России и действительны ли чеченские паспорта. Даже куда-то позвонила для пущей верности. Я, как умел, пытался объяснить ей политическую ситуацию на данный исторический отрезок времени, а именно: Россия официально не находится в состоянии войны с иностранным государством, следовательно Чечня юридически вроде бы часть России; паспорта нам выдало правительство Завгаева, которое поставлено туда Кремлем, значит они должны быть действительны; и т.д. Старался изо всех сил, хотя дама не особо меня слушала.

Сейчас кто-то может не поверить в такие истории, но в то время эти случаи встречались часто. Российские чиновники в зависимости от ситуации объявляли чеченцев то россиянами, то иностранцами. Например, когда я делал регистрацию по месту

пребывания в Москве, служащие паспортного стола пытались доказать мне, что Чечня не входит в состав России и я должен заплатить за регистрацию как иностранец. В некоторых случаях, когда это было выгоднее, чиновники и госслужащие хотели иметь дело с чеченцами-россиянами.

Затем последовали долгие, глупейшие допросы. Сначала женщина обвинила меня в том, что я пытаюсь проникнуть на территорию Германии под предлогом поездки на соревнования, чтобы остаться там.

Я только спросил: «Вы считаете, что я собираюсь бежать в Германию с кучей чужих детей?»

Она зло посмотрела на меня, пробурчав что-то типа – «А кто вас, окаянных, знает?» И потребовала доказательств, что я действительно являюсь тренером по тяжелой атлетике. Признаюсь, я растерялся. До этого момента я как-то не задумывался над тем, что должен иметь при себе тренерские знаки отличия. И даже не знал как они должны выглядеть. Потому, осторожно спросил, какие именно доказательства ей хотелось бы получить. Видимо, дама сама не очень себе это представляла, так как не стала настаивать. Зато следующий вопрос был еще более сногшибательный:

– Какие упражнения вы делаете на уроках со штангой?

Типа, подловила лже-тренера, пытающегося смыться в Германию.

– Уверяю вас, я могу долго рассказывать про тренировочный процесс штангистов, но боюсь вы ничего не поймете, если только не работали ранее в зале тяжелой атлетики.

Она только зло сверкнула глазами, но о методике тренировок тяжелоатлетов мы больше не говорили.

Я уже не выдержал и говорю, если бы я хотел скрыться за границей, у меня для этого было достаточно возможностей и раньше. Например, всего несколько месяцев назад я был во

Франции. К тому же, говорю, в Германии я уже бывал и она мне не нравится и если уж бежать, то я выбрал бы другую страну.

Честно говоря, я сначала думал что они всех подвергают таким истязаниям, но в один определенный момент она выдала себя. Я включил в команду двух пацанов из московского «Динамо», оба русские. Вначале посольская дама, видимо, не обратила на это внимания, но в очередной раз перебирая наши паспорта, заметила их и с нескрываемым раздражением вскрикнула:

– А эти откуда тут взялись?!

Таким образом стало ясно, что причиной всех моих злоключений является пресловутая пятая графа советского паспорта.

– Они взялись из московского спортзала «Динамо», где в настоящее время я работаю тренером – добровольцем. А почему бы им не взяться в моей команде и почему это вас так удивляет?

Естественно, она не ответила. Слишком явно демонстрировать свои расистские взгляды в посольстве демократического государства она не могла, за это можно было поплатиться работой. Но, с плохо скрываемой ненавистью сделала всё плохое, что только смогла.

В очередной раз отстояв очередь к окошку, ставшему за эти дни родным, я получил наконец паспорта из рук этой дамы. Ну, думаю, наконец-то, уверенный, что в них стоят визы. Открываю и вижу штампы «В визе отказано»! Тут уж я рассердился не на шутку:

– Вы что это сделали? Если у вас есть основания, а их у вас нету, вы могли отказать в визе. Но, какое вы имели право пачкать наши паспорта? К вашему сведению, они являются собственностью государства!

– Я не обязана вам отвечать.

– Но вам придется за это ответить, я вам это обещаю.

В то время башни-близнецы в Нью-Йорке еще не упали и борьбу со всемирным терроризмом не объявляли. Еще можно было качать права в иностранных посольствах. Правда, делал я это, совершенно не представляя что предприму далее, просто от злости и обиды.

Вернувшись к себе, звоню в Германию, президенту клуба, который нас пригласил. Надо сказать, что этот президент тоже успел возненавидеть родное консульство в России, они и его уже достали, выясняя действительно ли он нас пригласил, потребовали информацию из учредительных документов его организации, выясняли реально ли такой клуб существует. Рассказал ему про свои несчастья. Президент попросил телефоны посольства в Москве. Я продиктовал несколько номеров, начиная от самого посла. Он успокоил меня, сказал что будет звонить послу, консулу, а если потребуется и самому министру иностранных дел.

Не знаю до кого из них он дозвонился, но на следующий день мне позвонили из консульства и попросили приехать с паспортами. В очереди на этот раз я не стоял, ни одного вопроса мне больше не задали, а просто взяли паспорта и визами заклеили отказные штампы. В этот момент, больше всего на свете я хотел посмотреть в глаза той женщине. Но она, очевидно, не захотела со мной встречаться.

Цирик чуть не умер

написано Movladi ABDOULAEV | 15.03.2009

Во времена Советского Союза спортсменам не разрешалось иметь

на спортивной форме каких – либо рисунков и надписей. До сих пор не пойму в связи с чем был введен такой запрет, наверное считалось, что это является рекламой чего-то, а в СССР само слово – реклама было вражеским.

Я, очевидно, был неправильным советским юношей, мне нравились не одноцветные и серые, а исписанные и изрисованные яркие футболки. А так как найти и купить такие было невозможно, так как их не существовало, то сам их и изготавливал. Я хорошо рисовал и обладал каллиграфическим почерком, а посему вырезал трафареты и набивал масляными красками рисунки и надписи на футболках. Правда, из-за своей страсти к веселым футболкам я не раз попадал в смешные (а в то время вполне серьезные) ситуации.

Недавно на форуме, обсуждая ход чемпионата Европы, я вспомнил одну из этих истории. Перескажу ее здесь.

Речь шла о том, что из-за судейских придирок спортсмен может быть выбит из колеи, что, на мой взгляд, произошло с российским тяжелоатлетом Р.Мещеряковым на чемпионате Европы. А я рассказывал, что на некоторых атлетов (в том числе и меня) такие придирки наоборот раздражают и заставляют выступать лучше. И поведал такую историю:

Один раз, это было в 1978 году на первенстве России среди сельских спортсменов. Я вышел для первого подхода в рывке. А на мне была футболка с надписями. В те советские времена не разрешалось иметь на футболках какие-либо рисунки и слова. Тупняк, но это было так. Тогда на подход давалось 2 или 3 минуты подготовки. Так вот я прохаживаюсь за помостом туда-сюда, затем подхожу к штанге, постоял немного над ней, берусь за гриф и уже хотел начать движение как слышу голос судьи: «Участник, подойдите к судейскому столику». Подхожу и он мне говорит командирским голосом: «Майку снять!» Спрашивается, почему он мне не сделал это замечание когда я 2-3 минуты прохаживался перед ним до этого. Разозлился страшно, тут же сорвал эту майку, швырнул ее за кулисы, подбежал к штанге и

рванул ее чуть-ли не в полуприсед.

Добавлю, что этим судьей был тренер Юрий Нескородов из Курска, впоследствии чемпион мира среди ветеранов и лучший международный судья в России. На тех соревнованиях я стал абсолютным чемпионом, выступая в весе 82,5 кг и затем в составе всесоюзной сельской команды попал на общее первенство СССР. А готовил нашу команду к этим важным соревнованиям тот самый Ю.Нескородов. Когда мы собрались на сборах, он меня вспомнил и сказал: «А ты молодец, не растерялся тогда». Выходит, испытывал меня на прочность.

А еще раньше был другой случай. Мне 16 лет, включен в юношескую сборную республики и выступаю в первенстве Юга России, которое проходило у нас в Грозном, во Дворце Спорта завода «Красный Молот». Готовился я в Шатое и в Грозный приехал со своим тренером Баудом Ахмадовым буквально перед самым началом взвешивания. Естественно, тренер сборной республики Ибрагим Кодзоев не догадывался о моей экипировке. А у меня вся футболка в надписях «USSR», «SHATOU», «ABDULAEV» и самое страшное для тех времен – на моем трико красовались полумесяц и звезда!

1978 год. На моем трико совершенно недопустимая для советской эпохи символика – полумесяц и звезда!

Конечно, в то время я не вкладывал в эту символику никакого политического или религиозного смысла. Мне она просто нравилась, была привычна и я ее нарисовал.

И вот выхожу на парад представления участников. Главным судьей соревнований был известнейший в то время судья международной категории, отсудивший не один чемпионат мира и Европы, Эдуард Цирик. Он, как обычно, должен был поприветствовать спортсменов и, по-моему, даже произнес первые слова: «Дорогие участники соревнований...», но в этот момент, увидев меня, чуть не

свалился в обморок. Крик стоял на весь Дворец спорта: «Это что еще за турок? Снять, убрать...»

От дисквалификации меня спас авторитет Кодзоева, да еще то обстоятельство, что я был как-бы хозяином помоста, местным атлетом. Помню как бледный Ибрагим влетел в разминочный зал: «Ты что это нацепил на себя? Снимай скорее...». В-общем, налетели, содрали с меня любимое трико, облачили в какое-то другое, в чем и пришлось выступать.

В другой раз, в 1978 году, я готовился к первенству СССР. Это было время, когда «вся страна и весь советский народ» готовились к Олимпиаде в Москве, которая пройдет затем в 1980-м. Тогда в продаже появились футболки, на которых были нарисованы пять олимпийских колец и надпись «Москва-80». Я купил такую футболку, мне она очень нравилась и я хотел в ней выступать на первенстве СССР. Приезжаем на соревнования, проходим взвешивание. Я полагал, что уж в футболке с символикой Московской Олимпиады мне никто не запретит выступать. Но, уже наученный горьким опытом, решил выяснить до конца этот «архисложный» вопрос. Спрашиваю у тренера, могу ли я одеть вот эту футболку? Тот крепко подумал, вроде бы в надписи «Москва-80» нет ничего чуждого, капиталистического, да и партия с правительством призывают сделать Олимпиаду-80 самой лучшей во все времена. Но, мало ли чего? Надо быть осторожным. И, не решившись взять на себя такую ответственность, потащил меня с футболкой к столику жюри. Главный судья соревнований покрутил в руках бедное текстильное изделие, ставшее предметом испытания политической бдительности, осмотрел со всех сторон и заявил, что вроде бы и ничего страшного, но лучше не одевать ее.

Потом настала перестройка, я начал работать тренером и уже рисовал футболки для своих учеников, не опасаясь, что нас привлекут за антисоветскую деятельность.

А еще немного времени спустя появились кучи разных, цветных футболок и мое ремесло оказалось никому не нужным. Прогресс не остановишь. И это хорошо.

Шпионские страсти

написано Movladi ABDOULAEV | 15.03.2009

В теплый весенний день 1988 года я сидел за письменным столом, заваленным тренировочными дневниками моих учеников и мудрил над планами. Приходит Бислан Хутаев, говорю ему что я сейчас занят, включи телевизор, возьми вон там журналы и подожди.

Я выписывал все спортивные журналы, которые только издавались в то время в Советском Союзе. Перестройка затронула и бумажную промышленность, некогда популярные журналы «Физкультура и Спорт», «Спортивная жизнь России» и др. дышали на ладан. Не было бумаги, не было денег на издание и они выкручивались как могли. Печатались на серо-желтой, низкокачественной бумаге дореволюционного образца, ежемесячные издания иногда объединяли несколько номеров в один и выходили раз в 3-4 месяца. Но, был один журнал – «Олимпийская панорама», который издавался на отличной бумаге, с яркими иллюстрациями, на многих языках и во многих странах. И в нем была рубрика, где печатались объявления иностранцев, которые хотели переписываться с советскими спортсменами.

Смотрит Бислан этот журнал и говорит: «Мовлади, тут один бразилец ищет друзей – спортсменов в СССР, давай напишем ему.» Ну, давай – написали. И забыли.

Через полгода приходит письмо из Бразилии. Писал 60-летний

сеньор, бывший игрок сборной Бразилии по волейболу, который затем работал директором спортклуба, а в данное время находился на пенсии. Он говорил, что счастлив найти новых друзей в СССР и очень хотел бы с нами дружить. Мы, естественно, были не против и завязалась переписка. Правда, письма из Шатоя в Сан Пауло и обратно шли по два месяца, так что мы обменивались ими три раза в году.

Через некоторое время мы с Бисланом надумали пригласить нашего заокеанского друга в Шатой. Я не поленился съездить в Грозный, в ОВИР, отстоял там километровую очередь, заполнил кучу анкет и оформил приглашение.

Прошло еще несколько месяцев и в один из зимних дней 1990-го подъезжает к моему дому в Шатое военный УАЗик. Выходит мужчина в штатском, чеченец, поздорововался и спрашивает:

– Здесь проживает гражданин Абдулаев Мовлади?

– Да, это я.

– Подполковник КГБ республики ... (фамилию забыл – авт.). Могу ли я с тобой поговорить?

Какая вежливость! Можно было подумать, что я имел выбор и мог отказаться.

– Да, конечно. Заходи в дом.

Пока мы шли в мою комнату, я лихорадочно соображал, когда и как я мог так сильно предать Родину, что за мной явились даже не местные, районные КГБэшники, а сам подполковник республиканского КГБ.

Он сел в кресло, отказавшись снять пальто. Ну, думаю, дело – совсем труба.

Начал спрашивать когда родился, где учился, где служил в армии, где работаю. Я прилежно отвечаю, всё еще не понимая в чём дело.

– Ты пригласил к себе иностранца, из Бразилии?

Ах, вон оно что! Я, признаться, уже и забыл об этом.

– Совершенно верно, пригласил, – отвечаю виновато.

– Как ты с ним познакомился, какие у вас отношения, интересы?

Рассказал, что познакомился посредством вот этого журнала, вот – смотри объявление. Письмо написал под давлением своего ученика – политически неграмотного подростка. Виноват, не сообразил сразу насчет угрозы нашей Родине со стороны империалистической Бразилии. Однако, отношения и интересы у нас исключительно спортивные. Может это смягчит мою вину?

– Ты должен знать, что в контактах с иностранцами следует быть осторожным.

И тут я выслушал политинформацию о постоянной угрозе СССР (который эти же стражи отечества сами вскоре профукают) со стороны враждебно настроенных капиталистических стран, о необходимости постоянной бдительности и совместных усилий по защите Родины от козней врагов.

Я клятвенно заверил разволновавшегося подполковника, что при всем желании не смогу раскрыть никаких секретов этому проклятому шпиону, косящему под спортсмена, так как не знаю даже где расположен туалет грозненского военного гарнизона, не говоря уже о более важных стратегических объектах. Но, если этот ветеран бразильского волейбола приедет, начнет безобразничать и подрывать устои СССР, непременно настучу на него в КГБ.

Успокоенный подполковник уехал, отказавшись от чая.

А бразилец так и не приехал. Заподозрил, вражья морда, что в Шатое его ждет провал.

Как я одевал «Терек»

написано Movladi ABDOULAEV | 15.03.2009

В 1997-99 годах, в перерыве между двумя войнами, в Чечне наметилась некоторая активизация спортивной жизни. Создавались спортивные организации, проводились спортивные мероприятия и т.д. Правда, финансированию взяться было неоткуда и каждый вид спорта молился за то, чтобы ему достался хороший спонсор. В качестве оных чаще всего выступали известные чеченские командиры. Уже не помню который из них покровительствовал футболу (по-моему, сам Шамиль Басаев), но в это время в республике появилось с десяток команд и проводился национальный чемпионат. И даже была сборная команда Ичкерии, которая тренировалась в поселке Калинина, на бывших футбольных полях «Терека». Вот только не уверен сейчас, как точно называлась главная команда республики. «Терек» – вряд-ли, скорее всего – «Ичкерия».

В те годы я занимался бизнесом, торговал спортивными товарами. Как-то, сидя на стадионе «Динамо» в Грозном и наблюдая за очередной игрой чеченских команд, с грустью отметил для себя насколько позорно они одеты. На футболистах были сувенирные майки зарубежных команд, которые продавались в то время в любом спортивном магазине и даже на грозненском центральном рынке по одному доллару за штуку. Смешно было наблюдать игру чемпионата республики, где футболисты бегают в полосатой форме итальянского «Ювентуса» или в красно-белой голландского «Аякса», да еще и с названиями этих клубов на спине. И посетила меня тогда благородная мысль – одеть чеченские команды в профессиональную (или, хотя бы полупрофессиональную) футбольную форму. А начать решил, не мелочась, с главной

команды – сборной Ичкерии.

В то время у меня было много деловых партнеров в Москве, в том числе, производителей спортивной формы. С одним из них я и начал работу по изготовлению образца чеченской футбольной формы. Надо сказать, что с этой фирмой у меня были очень хорошие отношения, ее работники сочувствовали бедственному положению чеченского спорта и согласились взяться за эту работу по самым низким ценам. Я же выставил свои требования: чтобы ткань была высшего качества, а краски наипрочнейшие, чтобы не слезили и не выцветали от пота и стирки, и держались как можно дольше. Убеждал их, что чеченские команды не могут позволить себе по несколько комплектов формы на сезон или часто обновлять их. Те, в общем-то, не спорили и не торговались со мной.

Над расцветкой формы долго ломал голову, перебирая разные варианты. В конце-концов остановился на теме чеченского флага и герба. Решил, что зрители должны запомнить символику нового государства. В-общем, месяца через полтора-два с начала всей этой работы появилась на свет вот такая форма:

Могу с гордостью заявить, что качество формы ненамного уступало всяким там «Адидасам», а вот по цене разница была существенной. К тому же, мы договорились с производителем, что надписи на футболке можно изменить по желанию заказчика, можно ее сделать с коротким рукавом и еще о многих нюансах.

И вот, уставший, но счастливый от проделанной работы, еду со своим образцом формы в Чечню. Прихожу на те самые тренировочные поля ДЮСШ «Терек», где находился штаб республиканского футбола. Захожу, «салам-Талам», «могш-паргIат» и спрашиваю:

– Могу ли я поговорить с самым главным начальником республиканского футбола?

Мордастый дядя за столом, явно недовольный тем, что я не принял его за самого главного, пробурчал что-то вроде того, что он чей-то «зам» или «пом». Я начал ему объяснять, кто я такой и зачем сюда явился. Говорю, так мол и так, не смог больше смотреть на клоунские наряды чеченских футболистов и проявил инициативу, подготовил базу для экипировки всех чеченских команд, а для сборной даже изготовил, на свои кровные, образец формы.

Почти уверенный в том, что за такой подвиг мне тут же повесят, если не «Къоман сий» (орден «Честь Нации»), то хотя бы «Къоман турпал» (орден «Герой Нации»), я не сразу воспринял прозвучавшие слова:

– У нас есть свои поставщики!

Не веря своим ушам, начал объяснять, что я видел результаты этих поставок, что это не спортивная форма, это – позор. Команды, претендующие хотя бы на звание чемпионов республики, должны иметь свою собственную форму, а не облачаться в сувенирные майки иностранных клубов.

– Я же сказал, что у нас есть свои поставщики! – отрезал «зам» или «пом».

– Может, все-таки посмотрите образец, поинтересуетесь ценами?
– настаивал я.

– Не стоит труда.

Тут, наконец-то, до меня дошло, что я лезу в чей-то чужой бизнес, что этим людям глубоко наплевать на то, как одеты игроки чеченских команд, так же как и на мой энтузиазм. И всё поняв, поспешил покинуть это место.

А тот образец так и остался у меня, как память.

Боевики уважили Осташко

написано Movladi ABDOULAEV | 15.03.2009

Николай Андреевич Осташко более 30-ти лет проработал тренером по тяжелой атлетике в г.Грозном. Воспитал целую плеяду известных мастеров: Иса Мовсаров – МСМК, чемпион СССР и призер первенства Европы среди юниоров; Айнди Товсултанов – обладатель Кубка СССР и многие другие. Одно время у него тренировался многократный рекордсмен мира Адам Сайдулаев.

Летом 1996-го года я в последний раз видел Николая Андреевича Осташко. Осенью того же года он уедет из Чечни, не выдержав бардака, начавшегося после первой войны в республике. Встретились мы на стадионе «Динамо», разговорились и Николай Андреевич рассказал интересный случай, который с ним приключился.

Как известно, в марте 1996-го года боевики провели генеральную репетицию перед августовским захватом Грозного. Они зашли в город со стороны Черноречья, несколько дней подержали его и ушли. Николай Андреевич жил как-раз в Черноречье. Накануне атаки на Грозный боевики мелкими группами по 2-3 человека проходили в город и занимали позиции в домах. Одной из их планируемых точек оказалась квартира Осташко.

– Вечером раздался стук в дверь – рассказывал Николай Андреевич, – я спросил кто там.

– Быстро открыть дверь, – раздалось в ответ.

По тону голоса Осташко понял, что затевать спор бесполезно и открыл. Вошли три боевика, увешанные оружием. Один без всяких церемоний потребовал убираться прочь, но второй боевик узнал его:

– Николай Андреевич, неужто Вы!

Оказывается он когда-то тренировался у Осташко. Быстро объяснил своим товарищам кто стоит перед ними. Боевики посмотрели на тренера с уважением, поговорили. Они рассказали Николаю Андреевичу, что завтра будет жаркий день и

посоветовали немедленно уйти в другой район города, где должно быть поспокойнее. Один из них пошутил:

– Если хотите оставайтесь с нами, мы дадим Вам гранатомет.

– Нет ребята, эти игры не для меня, – рассмеялся Осташко.

Собрав сумку и выходя, он попросил боевиков не громить его квартиру.

– Не переживайте, все будет в порядке.

И действительно, через несколько дней когда бои затихли, Осташко вернулся в свою квартиру и нашел ее в полном порядке. Уходя боевики даже заботливо закрыли дверь. Только будильник забрали.

– Но это ерунда. Он им наверняка нужнее, – шутил Николай Андреевич.

